

Завтра будет жизнь

Александра Довгулева

Здравствуйтесь, друзья мои! Сегодня необычный день, и **мы вспоминаем героев, павших во время Великой Отечественной войны**. Мы, петербуржцы, особое значение придаём подвигу нашего города, тогда ещё Ленинграда, выжившего и не сдавшегося **в кольце блокады**. И я хочу представить **свой рассказ "Завтра будет жизнь"**. Он посвящён моему университету и основан на реальных событиях. Я долго готовилась, прежде чем написать рассказ, прежде всего я прочитала множество книг, в которых собраны воспоминания студентов и преподавателей **РГПУ им. А.И.Герцена...** И теперь я очень надеюсь, что результат моей работы найдёт отклик в ваших сердцах.

Завтра будет жизнь

Спасибо не за снисхождение,
А за спасённую мечту!
Л.И. Хаустов

- В аудиторию входят только молодые люди.

Ропот прошёл среди студенток, которые уже собрались пройти вслед за открывающим дверь преподавателем. Однако никто не хотел спорить за пять минут до начала экзамена. Юноши прошли, пожимая плечами, даже не догадываясь об истинной причине такого странного поведения экзаменатора. Тот был удивительно задумчив. Хмуря седые брови, он наблюдал за тем, как мальчики проходят между рядов, выбирая себе места. Молчал он и тогда, когда все сели и затихли, ожидая, что же скажет преподаватель. Наконец, Фёдор Владимирович заговорил, и голос его был удивительно спокойным.

- Началась война с фашистской Германией, - объявил он, оглядывая аудиторию.

В повисшей тишине голос с последней парты был особенно громким:

- Ну, их быстро разобьют!

Среди молодых людей послышались одобрительные возгласы.

- Нет, - Голос преподавателя был твёрдым. - Это большая война, надолго!

Фёдор Владимирович ещё раз оглядел своих учеников. Им было по 19-20 лет, по сути, ещё дети, но решительность на их лицах подсказала ему, что преподаватель не ошибся, когда пригласил их в аудиторию раньше. В полной тишине он заполнял зачётные книжки. Все студенты получили сегодня «отлично».

А в коридоре царило невиданное оживление. Оставленные в одиночестве девчата с удивлением наблюдали похожую картину у соседних аудиторий, и неизменно на лицах преподавателей была мрачная решимость. А потом кто-то услышал чей-то взволнованный голос:

- Скорее! По радио Молотов выступает, война!

Как война? Никто не ожидал этого, все застыли, вслушиваясь в слова, доносившиеся из радиоприемника. Стоявшая в углу Люба беззвучно

плакала.

Началась война.

Уже на следующий день в одном из зданий Ленинградского педагогического института им. Герцена открылся призывной пункт. Их мальчишки, которые ещё вчера больше всего на свете боялись провалить экзамены, стояли в длинной очереди, собираясь записаться добровольцами на фронт. Юноши, сдавшие экзамен Фёдору Владимировичу, были одними из первых, и уже собирались уезжать.

Люба, как и её подруги, наблюдали за тем, как сокурсники залезают в машины, которые доставят их туда, где о войне знали не понаслышке. Они смеялись, шутили, радовались предстоящему путешествию, будто бы и не на фронт едут вовсе. Все знали, страна сильна, и не больше чем через месяц они вернутся и снова сядут за учебники. Машина тронулась.

- Берегите себя, - крикнул кто-то, кидая вслед удаляющимся добровольцам ветку цветущей сирени.

- Скоро будем,- послышался ответ, - пишите, девчата, нам по адресу: Берлин, Фридрихштрассе!

Возвращаясь в общежитие, Люба слышала, как шедшие навстречу студентки обсуждали предстоящие курсы медсестёр. Похоже, они тоже собирались на фронт! В их комнате никого не было, кроме Оли, которая быстро собирала вещи.

- Ты тоже собираешься записаться добровольцем? - удивлённо спросила Люба соседку.

- Нет,- мрачно ответила она, застёгивая сумку, - я еду домой.

Девушка подумала, что ослышалась.

- Почему?

Оля родилась в Краснодарском крае, в месте, которое находилось в глубоком тылу, и Люба не могла поверить, что теперь девушка сбегает. Никто из её подруг, да и сама Люба, даже не думали о том, чтобы уехать.

- Я должна быть с семьёй,- ответила она, - я старшая среди четверых детей, самому младшему братишке всего два года, я нужна им. Оля замолкла. Взяв сумку, она вышла за дверь, а Люба не понимала, как можно было уехать, когда целая страна в опасности? Она была уверена, что забота о семье была простым оправданием собственной

трусости.

К сожалению, на следующий день Люба узнала, что не только Оля поступила так. Студентки начали уезжать, и в глазах оставшихся они были предательницами.

Но скоро все забыли об этом. Война ворвалась в Ленинград, осенью начались бомбёжки. Люба с подругами сидела в бомбоубежище, сжавшись в комочек, так страшно ей не было никогда в жизни! После первой бомбёжки, сама Люба задумалась о том, что нужно уехать. Где-то там, за Уралом, был дом, который теперь казался таким далёким! Но всё-таки, она осталась: выехать из города не было возможности. Она уже несколько ночей спала в одежде, зная, что в любую минуту ночная тишина может быть разорвана сигналом воздушной тревоги или свистом падающих снарядов, что было ещё страшнее. И спускаясь в подвал, Люба и ещё пять девочек, не знали, успеют ли они. И в какой-то момент девушке пришла в голову мысль, а стоит ли вообще подниматься из этого подвала на поверхность, где так близко ходит смерть?

Во время одной из бомбёжек погибла одна из соседок по комнате. Нюра была милой и тихой девочкой, и подруги, уже впятером, долго плакали, и каждая из них понимала, что если бомбёжки продолжатся, их подруга будет первой, а не единственной.

А потом Люба перестала бояться. Бомбёжки казались теперь чем-то привычным, и не для неё одной. В середине сентября сигнал тревоги прозвучал во время лекции, и ко всеобщему удивлению, преподаватель предложил остаться в аудитории. Все согласились. Куда страшнее стало спускаться в столовую... Всё меньше и меньше были порции, всё чаще в буфете была только варёная чечевица, разбавленная мутным бульоном. А потом и её не стало. Люба с благодарностью вспоминала чечевичный суп, когда в столовой не оказалось ничего.

Голод был страшнее бомб, от которых можно было спрятаться в подвалах и убежищах, голод находил тебя везде, куда бы ты ни пошёл. В конце октября Люба осознала ещё одну пугающую вещь: приближались холода, а у девушки из одежды были только три ситцевых платица, да вязаная кофта, а на ногах единственная пара летних туфель. Однажды, одев всё сразу, Люба ехала вместе с

подругами рыть окопы в подмерзшей земле. Кроме студенток делать это было некому. И совсем близко от их института, почти в центре города, они с недоумением принимались за работу, с ужасом и неверием думая, неужели сюда действительно может добраться враг?! Вечером началась бомбёжка, и машина за ними не приехала. Уже ослабевшие от голода, они шли пешком, убегая от наступавшего ночного холода. Оказаться на улице ночью теперь значило неминуемую гибель. И Люба шла по улице, не чувствуя окоченевших пальцев, стараясь не думать о том, что сегодня она не успела получить в булочной хлеб...

Однажды весенним утром девушка поняла, что не может встать с постели. Наверное, только охвативший её ужас помог пошевелить неподвижные ноги и руки. Только усилием воли она смогла заставить себя встать и идти на лекцию. Сегодня среди подруг была её очередь делать конспекты. Неделю назад они договорились разделить между собой обязанности. Теперь стало легче, ведь пока Люба будет старательно записывать лекции, Катюша будет стоять в очереди за хлебом, Таня и Варенька возьмут в столовой для всех порции горячего мучного супа, а Аня будет помогать ухаживать за институтским огородиком, который недавно разбили студенты с биологического факультета.

Люба боялась смотреться в зеркало. Чуть полноватая раньше хорошенькая девочка теперь будто постарела. Слабые пальцы, державшие перо, были худыми, а кожа сухой и какой-то серой. Говорили, что где-то на рынке в городе можно купить хлеб, но денег ни у девушки, ни у её подруг не было.

В мае девчата услышали, что, возможно, студенток эвакуируют, и теперь нехватка денег была особенно острой. Тогда Люба и Аня решились на отчаянный шаг: продать хлеб. Сама эта мысль пугала истощенных девушек, но это казалось единственным выходом. Говорили, что за дневную норму можно было выручить целых сто рублей! Вместе они завернули в платок драгоценные пятьсот грамм и отправились в путь.

На рынке стояли такие же истощённые и постаревшие люди. Кто-то продавал какие-то косточки, кто-то - нечто отдалённо напоминающее что-то съедобное... Были здесь и настоящие чудеса: драгоценности, которые девушки видели раньше только в музее, так же были

принесены сюда теми, кто надеялся обменять их хоть на какую-то пищу. Среди людей встали и они. Люба развернула платок, воздух наполнился головокружительным запахом ленинградского хлеба, к ним потянулись со всех сторон люди... И вдруг кто-то закричал:

- Спекулянты! Мы тут голодаем, а они хлеб продают!

Мужчина, распухший и обезумевший от голода, потянул к драгоценному кусочку свои грязные пальцы. Помощь пришла неожиданно: какая-то женщина заслонила собой девочек.

- Смотрите, - воскликнула она, - эти девочки сами исхудали, они свою норму продают! Тесните его, гоните отсюда.

Возмущённая толпа подхватила мужчину, а спасительница велела девочкам завернуть хлеб в платок и отвела их в сторону. Она спросила, почему студентки продают свой хлеб, и те рассказали, на что они надеялась.

- Жалко мне вас, девочки,- сказала женщина, - я вас не обижу, у меня дома дочь от голода умирает...

Она молча протянула кошелек и забрала драгоценность. Незнакомка заплатила девочкам 250 рублей.

Время шло, а студенток так и не удалось эвакуировать, вновь приближалась зима, и подруги думали о ней с содроганием. Из-за одной из бомбёжек пострадало здание общежития. Это случилось во время занятий, почти никто не погиб. Они просто переехали в другое здание, теперь полупустое. Смерть стала привычной. Недавно девочки узнали, что практически все их мальчики, ушедшие на фронт, погибли ещё во время первых месяцев войны.

Открылся госпиталь, и в аудиториях стало пусто: выносили всё, что может гореть. Доктора боролись с наступавшими холодами ради раненных солдат, которые вновь отправлялись на фронт. Сидя на полу, Люба прижимала к груди чернильницу, пытаясь согреть её собственным теплом. Но чернила всё равно застывали. Через две недели, встать с постели она уже не смогла. Слёзы катились по почерневшему лицу... Из-за недоедания у девушки начался колит, она была обречена.

- Не хочу умирать,- повторяла она, - не хочу умирать....

В госпиталь Любу не взяли, как ни уговаривали подруги врачей. Доктора не могли уже бороться с голодом, в больницы брали только с

заразными заболеваниями. И, глядя на умирающую подругу, Аня, студентка биофака, внезапно воскликнула:

- Это похоже на дизентерию! Скажем так в больнице!

Решившись на отчаянный шаг, девушки пешком отправились на Обводный канал, надеясь спасти Любу. Доктор была поседевшей женщиной, такой же истощённой, как и студентки.

- Вы надеялись обмануть врача,- сказала она, - мне очень жаль вас, девочки, будь моя воля - я бы вас всех в больницу положила! Но могу помочь сейчас только вашей подруге.

Со слезами на глазах Люба прощалась со своими девчатами, благодаря которым она была спасена. Два месяца девушка провела в больнице. Однажды свершилось настоящее чудо: медсестра принесла истощённой Любе свежее сырое яйцо! Ничего вкуснее в жизни она не ела!

Смерть отступила, а Люба отправилась назад в институт... Когда она вернулась, оказалось, что все её дорогие, любимые девчата погибли. Люба не плакала. Слез больше не было. Она осталась одна. Дни превратились в бесконечную зиму, тёмную и холодную. В институте открылся детский дом для малышей, которые, как и Люба, остались в одиночестве.

И вот девушка крохотными шагами идет по укрытому ночной тишиной Невскому проспекту рука об руку с другими студентами. Они входят в подъезд с высоким потолком. Здесь так же холодно, как и на улице. Люба с трудом разминает оочевшие пальцы, которые совсем немного греют дырявые варежки - память об одной из погибших подруг. Из рта вылетает облачко пара. Все застыли в тишине, прислушиваясь. Наконец, Люба услышала тихий детский плач, доносившийся откуда-то с верхних этажей. Впереди был долгий подъём. Подтягиваясь на руках, Люба буквально повисла на перилах, борясь с ослабевшими ногами. С каждым днём подъём становился всё тяжелее. Ступенька за ступенькой, студенты преодолевали лестничные пролёты. В квартире, откуда доносился плач, дверь не была заперта. В холодной комнате прямо на полу лежала женщина, чёрная и сухая, совсем недавно жизнь ещё теплилась в её измученном теле, но не теперь. Рядом с ней, плача и прижимаясь к мёртвой матери, лежал закутанный ребёнок, худой, но живой. В соседней комнате, к общей радости, нашлись санки... Уже выходя из квартиры, Люба заметила фотографию, висевшую на стене в

прихожей: красивая молодая женщина держала на руках младенца. За её спиной стоял мужчина. Они так счастливо улыбались, что внутри что-то горько защемило...

Вниз спускаться уже сил не было, и студенты скатывались по ступеням на санках. Сегодня в детском доме станет ещё на одного сироту больше...

Люба с трудом передвигала окоченевшие ноги, с тоской вспоминая горячий мучной суп, который днём всего пятнадцать минут так чудесно грел всё внутри. Сил почти не было. Ложась одетой в кровать, Люба внезапно подумала, что было бы так здорово укрыться с головой, а встать, уже когда всё это закончится! Но завтра она заставит ослабшее тело двигаться, и пойдёт утром на лекции, чтобы учиться так прилежно, как никогда не училась в мирное время, ради тех, кто борется с врагом, ради тех, кто помог ей, ради тех, кого уже нет.

И не было страха. Была только надежда. Надежда на то, что уже завтра разорвётся блокадное кольцо, кончится война, забудется голод и холод бесконечно страшной зимы. Она надеялась, что завтра будет мир без войны, без бесконечного мучительного ожидания чуда. И когда настанет это долгожданное невыразимо прекрасное завтра, не будет больше голода и смерти. *Завтра будет жизнь.*

2015 г.